

ДЕННИ ФРОСС

A woman with long brown hair in a ponytail, wearing detailed medieval plate armor, stands in profile facing right. She holds a longsword that glows with a bright blue light. The sword is set against a circular, glowing blue portal or magical barrier in a dark, rocky cave. The cave walls are covered in jagged, crystalline structures. The overall atmosphere is mysterious and epic.

ПОКОРЕНИЕ
ПОДЗЕМЕЛЬЯ

ХРОНИКИ ЗАЩИТНИЦЫ

Денни Фросс

Покорение Подземелья

«Автор»

2026

Фросс Д.

Покорение Подземелья / Д. Фросс — «Автор», 2026

Она помнит только свет фар и удар. Очнулась — в чужом лесу, в чужом теле и с книгой, которая утверждает, что обратной дороги нет. Аяра. Пятнадцать лет. И дар, которого не видели тысячу лет. В мире, где люди, зверолоды и вампиры делят города и подземелья, ей приходится учиться выживать с нуля. Первый бой, первая рана, первое зелье с непредсказуемыми последствиями. Здесь слабых не жалеют, а рабство — просто часть пейзажа. Но когда цена за прохождение подземелья оказывается не золотом, а жизнью ребёнка, Аяра делает свой первый настоящий выбор. Она не знает правил этого мира. Но знает одно: есть вещи, которые нельзя покупать и продавать. Вместе с угрюмым лучником-лисом, подозрительной магичкой и своим неожиданным «приобретением» — молчаливой девочкой с кошачьими ушами — ей предстоит пройти паучье логово, пережить Мёртвый лес и выяснить, какую цену на самом деле платят те, кто берёт на себя удар. История о том, как стать щитом. Даже если твои руки ещё слишком слабы, чтобы его удержать.

© Фросс Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дар ускользящей тени	6
Часть 2: Новое знакомство.	12
Часть 3 Первая ночь.	16
Глава 2 Дар и плата	25
Часть 2 Первый бой.	30
Глава 3. Лейндейл.	35
Часть 2. Гильдия	41
Часть 3 Три монеты.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Денни Фросс

Покорение Подземелья

Том 1 : Начало пути.

Глава 1. Дар ускользящей тени

Часть 1 Пробуждение

Шла домой после очередного рабочего дня. Лил дождь стеной, а я, как на зло, зонт не взяла. Пиджак, блузка джинсы – всё было настолько мокрое, что можно было выжимать.

Подошла к перекрёстку. На той стороне моргал светофор жёлтым сигналом, намекая, что скоро можно будет переходить дорогу.

Сделав шаг...

Визг шин.

Оглушительный гудок.

Ослепляющий свет фар.

Удар – от которого у меня поплыло все в глазах.

На секунду, другую мир исказился. Звуки растянулись в одну протяжную, воющую ноту. Показались деревья – но не городские, а какие-то другие, слишком высокие; листва, да и сами ветки были...не такими. Показался месяц, висевшим бледным серпом на чёрном небе. Затем – резко – солнце, слишком яркое, ослепительное. Мелькнула странная птица с длинным, изогнутым хвостом.

Потом всё завертелось снова, небо закружилось в быстром, сбивающем дыхание вальсе; руки и ноги заломило, словно их выкручивали в разные стороны...

И резко всё закончилось.

Тьма.

Пробуждение.

В приоткрытые глаза вонзился яркий, неприятный свет. *Холодно. Сыро.*

Всё тело кричало. Каждая мышца ныла, будто её вывернули наизнанку и набили свинцовой дробью. Я пыталась встать – боль взорвалась рваной волной, заставив скулить от бессилия. Голова закружилась, в висках застучало.

Стиснув зубы, на одних лишь воле и упрямстве, удалось сесть. Дышать было больно. Первое, что бросилось в глаза – лохмотья. То, что ещё вчера было моим пиджаком и рубашкой, теперь висело на мне грязными, мокрыми тряпками. Один рукав оторван, второй держался на честном слове. Ткань расползалась при малейшем движении, обнажая кожу. *Стыд...* — горячая волна заставила судорожно подтянуть к груди остатки ткани.

Что-то не так.

Мысль проскочила тихо, где-то на фоне боли. Я провела ладонью по телу – и наткнулась на что-то липкое и тёплое. Замерла, боясь опустить взгляд, *но не могла не посмотреть...*

На левой груди, прямо под ключицей, зиял длинный, неглубокий порез. Из него тонкой струйкой сочилась кровь, растекаясь липкой сеткой по коже. *Живот сжался от тошноты.*

Чуть ниже, на боку, расплывалось огромное багровое пятно – будущий синяк, который уже пульсировал глухой болью.

Ноги. Надо проверить ноги. Мои джинсы были порваны до колена, а на бедре зияла дыра, сквозь которую виделась ещё одна рана. Медленная, упрямая капля крови скатилась по коже и впиталась в ткань

Я истекаю кровью. Да я тут умру...

Мысль прозвучала не криком, а тихим, ледяным осознанием, от которого перехватило дыхание. Паника, острая и слепая, всё же прорвалась, сдавив горло. Я зажмурилась, пытаюсь прогнать её, но вместо этого вспомнила: *перекрёсток, свет фар, удар...*

Как я здесь оказалась?

В голове стоял густой, непроглядный туман. Чем сильнее я пыталась в него взглянуть, тем яростнее раскалывалась голова.

И только сейчас, сквозь боль и панику, до меня начало доходить... *Что-то не так. Не так с пропорциями. Не так с кожей.*

Я подняла руку перед лицом и застыла.

Это была не моя рука.

Это не мои пальцы.

Слишком тонкие, почти хрупкие. Кожа гладкая, неестественно гладкая — *нету старого шрама от ножа на костяшке*. Я сжала кулак – суставы выступили острыми бугорками, как у подростка.

Потом я осмотрела себя – и мир окончательно поплыл у меня под ногами.

Это не моё тело.

Маленькое. Худенькое до болезненности. Рёбра проступали под кожей, словно уже готовые треснуть. Я инстинктивно потянулась к груди – и пальцы наткнулись на ... ничего. Точнее, не на ничего, а на крошечный, твёрдый бугорок.

Она была...Куда делась?

Нет, не исчезла – сжалась до размера теннисного мяча. Чужого, холодного, будто пришитого к чужому телу. Под пальцами кожа вздрагивала, отзываясь на прикосновение мурашками, которых я не чувствовала изнутри.

Я сидела, уставившись на свои детские руки, на плоскую, странную грудь, на кровь, что продолжала сочиться из пореза – уже не моя кровь, а просто алая жидкость в сосудах кого-то другого. Внутри всё оборвалось и повисло в пустоте. Будто кто-то выключил звук, цвет, запах – оставив только ледяную, беззвучную картинку.

Это не я...

Но боль – боль была очень даже моей. Настоящей, выворачивающей, родной. И она кричала громче любого шока, гвоздями вбивая меня обратно в эту чужую плоть.

Одежда, странным образом, оставалась мокрой насквозь, хотя вокруг не было ни намёка на дождь. Ветер, холодный и беспощадный, пробирался сквозь лохмотья, обдувал открытые участки кожи заставляя меня судорожно ёжиться и биться мелкой дрожью.

Зябка...

Хотелось одного – чтобы это всё кончилось. Или чтобы это оказался всего лишь самый страшный мой кошмар, от которого вот-вот проснусь в своей постели, в поту и с бешено колотящимся сердцем, но дома.

Попыталась встать. С трудом, преодолевая волну тошноты и боль, которая выстреливала от пяток до затылка, мне это удалось. Я стояла, пошатываясь, как пьяная, и мир плыл перед глазами.

И тут до меня дошло, что ещё было не так. Одежда. Она висела на мне мешком. Рукава пиджака закрывали кисти, штаны волочились по земле. Всё было на два, а то и на три размера больше.

Я что теперь карлик?

А где кросовки?

Под босыми ногами хрустели ветки, листва. От холодной земли по телу пробежал озноб. В паре метров, у корней дерева, лежала книга – толстая, в потёртой кожаной обложке. Возле неё – какой-то маленький мешочек. Всего несколько шагов. Они дались ценой, будто я пробежала марафон. Каждый шаг отдавался болью в рану на бедре, отзываясь тупым ударом в бок, заставляя голову раскалываться на части.

Я рухнула на колени, вцепившись в грубую кожу обложки пальцами, которые плохо слушались. Больше вокруг ничего не было. Ни телефона, ни документов, ни ключей от дома – ничего.

Только странная книга, и этот странный мешочек.

Решила рассмотреть книгу. Не больше тетради, но очень толстая. Обложка из грубой кожи была тёплой, словно её только что кто-то держал. Я открыла её, перелистнула несколько страниц – они были чистыми, пустыми, без единой буквы.

И зачем мне пустая книга? Что с ней делать?

И в тот же миг страницы сами затрепетали и перелистнулись обратно, на самое начало, на первую. На ней было большое чёрное пятно, словно вылили чернильницу. Потом из пятна потянулись тонкие линии, стали складываться в буквы. Буквы – в слова. Слова – в предложения.

Я прочла, и мороз пробежал по спине:

«Ты перешла грань. Этот мир – твой новый дом. Вернуться невозможно».

Сердце упало куда-то в пятки. *Это галлюцинация. От удара головой.* Судорожно перелистнула страницу.

Текст был уже другим, чётким и без всяких чернильных пятен:

Авария разорвала грань между мирами
Все в этом мире могут усиливать себя (прокачивать) Ты – не исключение. Прокачивай характеристики, становись сильнее.

Но помни: каждый может оступиться. И упасть.»

Ниже, как подтверждение этого безумия, возникла аккуратная таблица:

Ниже – таблица:

Уровень: 1

Опыт: 0 /100

Сила: 5

Ловкость: 8 (*выделено золотым*)

Выносливость: 6

Под таблицей, почти на полях, был крошечный, едва заметный значок – стилизованный щит.

Я уставилась на цифры.

Ловкость восемь...А почему золотом?.. Сила?.. Выносливость?.. Что ещё за опыт?.. А самое главное – как прокачивать? Убивать?

От одной этой мысли в горле встал ком, и стало тошно. Хотелось швырнуть книгу прочь, но руки не слушались. Вместо этого пальцы сами перелистнули страницу.

На ней был рисунок. Силуэт девушки в прыжке, а вокруг – размытые, тягучие линии, будто время вокруг неё текло медленнее. Под рисунком – текст

«Особая способность: „Мгновение тени“»

Прочла описание, про замедление времени. Про уклонение. Про то, что урон будет сильнее...

Цена.

И последний абзац: «Способность уникальна...Ты – первая, кто пробудил её за тысячелетия».

Несколько раз моргнула, перечитала снова.

Замедление времени...С ценой? Я единственная? Что вообще происходит?

Первая мысль – я в больницу, под наркозом, и это галлюцинация.

Стоп. Если бы это был сон, я бы не чувствовала такую боль, верно?

Я резко огляделась. Лес как лес – но не наш. Деревья с узкими листьями, всё похоже на знакомый мир, но в тоже время чуждое...

Подняла голову. Небо было самым обычным, голубым.

Ну хоть небо привычное... – с горькой иронией подумала я.

Снова открыла книгу: «Замедление времени... Но это же невозможно!»

Закрыла её, отбросила в сторону.

Потом, уже почти машинально, потянулась к странному мешочку.

Взяла его. Материал был необычный, мягкий и упругий, похожий на дорожную замшу. Внутри что-то звенело – глуховато, металлически. *Монеты*. Хотя какая разница, какие монеты, если я истекая кровью в чужом лесу? Но делать было нечего.

Развязала шнурок (он поддался удивительно легко) и высыпала содержимое на ладонь. С десяток серебряных монет, прохладных и не слишком тяжёлых. И одна – золотая, заметно массивнее, другим, более глухим звоном.

Я повертела серебряную... Возле самого края было аккуратное треугольное отверстие. С одной стороны – незнакомые, угловатые символы. С другой – рельефное изображение, похожее то ли на волны, то ли на клубящиеся облака. На золотой отчеканен профиль строгого мужчины в каком-то головном уборе (корона? шлем?) и другие, более сложные знаки.

Чужое. Всё чужое.

Я быстро собрала монеты обратно, затащила шнурок. Бросила взгляд на свои окровавленные брюки, на лохмотья пиджака.

Отлично. У меня есть деньги чужого мира, но нет ни еды, ни воды, ни нормальной одежды. И я не знаю, где тут вообще можно что-то купить.

Рука сама потянулась к отброшенной книге. Я поставила её на колени, не понимая, зачем. Может, искала хоть какую-то опору в этой безумии. Страницы снова легки открытыми на описании «Мгновения тени».

Замедление времени... Но это же невозможно.

Одна невозможного за сегодня случилось уже слишком много. Боль была реальной. Кровь – реальной. Эта чужая, худая плоть – тоже была реальной.

А если... не невозможно?

Мысль пронеслась, горячая и отчаянная. Если это правда – это мой единственный шанс. Единственное оружие в этом лесу.

Я медленно поднялась на ноги, опираясь на ствол дерева. Голова закружилась, рана на бедре заныла свежей болью. Закрыла глаза, стараясь не думать ни о чём, кроме строк в книге.
«Активируется силой воли...»

Я собрала всю свою волю, весь остаток сил, всю ярость и страх в один сгусток и мысленно, сквозь зубы, прошипела:

– Замри.

И – вдруг...

Звуки растянулись. Шелест листьев превратился в низкий, завывающий гул. Ветер, долетавший до кожи, стал ощущаться как тягучие, медленные потоки. Я отрыла глаза.

Мир в радиусе нескольких метров двигался неестественно медленно, будто погружённый в густой мёд. Падающий с ветки лист замер в воздухе, почти недвижимый.

У меня получилось.

От этого осознания сердце ёкнуло диким, ликующим страхом.

Я сделала шаг – и тело рванулось вперёд с непривычной, пугающей резвостью. Лохмотья пиджака захлестнулись вокруг ног. Я взмахнула рукой – и воздух послушно расступился, будто я плыла.

И тут боль накрыла с новой силой. Её не было в описании, но она пришла – жгучая, давящая будто рёбра сжимали тисками. В висках застучало, в глазах помутнело. Я закашлялась, и время с рывком вернулось в норму. Звуки обрушились каскадом, ветер ударил в лицо. Я оперлась о дерево, едва не падая, жадно глотая воздух.

Часть 2: Новое знакомство.

Резкий шорох донёлся сбоку. Кто-то приближался – если это слово вообще подходило для того, кто двигался так бесшумно.

Существо было худощавым, со взъерошенными волосами каштанового оттенка, больше похожими на короткую густую шерсть. Яркие карие глаза-щелочки сияли не страхом, а неподдельным восторгом. Его облик сочетал человеческие черты с чем-то звериным: заострённые уши с рыжеватыми пятнами, обычный человеческий рот, из уголков которого при улыбке проглядывали чуть удлинённые клыки. По скулам и шее струился редкий, мягкий мех того же рыжеватого оттенка. Движения – плавные, почти текучие, будто он привык сливаться с лесной тенью.

На нём – потрёпанная кожаная куртка, штаны с заплатками и поношенные высокие ботинки, в которых он стоял бесшумно, как на мягкой подошве. За спиной туго набитый колчан, в одной руке – длинный лук, тетива слегка провисла, но пальцы лежали рядом, готовые к движению. На плечах – потёртые лямки рюкзака.

Он сделал шаг, приник, рассматривая меня, словно экспонат в музее. От этого становилось неловко до дрожи.

Не-а, это точно не Земля!

Я изо всех сил прижала к груди рваную ткань и попятилась. Шаги вышли неуклюжими, хромающими.

Бежать! Но куда?

Существо стояло и смотрело на меня, в метрах шести.

Сделав ещё один шаг, я оступилась. Нога подкосилась, и раздался громкий треск – не кость, а последний шов на спине. Ткань пиджака разорвалась окончательно, и теперь он беспомощно повис на моих локтях, открывая спину и бок. Инстинктивно обхватила себя за грудь. Движение вышло резким, жалким. Кое-как поднялась на ноги, дрожа уже не только от страха, но и от холода.

Скинула лохмотья – от них не было толку, только позор.

Краем глаза заметила: он дёрнулся вперёд, чтобы помочь, но тут же резко остановил себя. Его движение вышло таким стремительным, что я от неожиданности вздрогнула и чуть не упала снова. Боль от раны на бедре стрельнула в больной бок, заставив потемнеть в глазах.

Тогда он плавно, почти ритуально, отбросил лук в сторону и выставил перед собой открытые ладони – жест явный, почти утрированный: *я безоружен, с добрыми помыслами*. И только потом начал приближаться, медленно, как к спугнутой птице.

Уже в паре метров он шумно втянул носом воздух, не сводя с меня глаз. Его взгляд был не похотливым, а ... анализирующим, будто он улавливал запах, который не мог идентифицировать.

А я пыталась держать себя в руках, чтобы не закричать. В ушах стоял шумный гул, заглушавший всё, кроме бешеного стука собственного сердца. *Бежать. Просто бежать куда глаза глядят.*

– Ты как здесь оказалась? Ты не из этих мест!

Он говорил не с обвинением, а с искренним, острым удивлением. Продолжал подходить плавно, почти крадучись. Скинул лямки рюкзака, не отводя от меня глаз. Потом снял свою потрёпанную куртку и, не делая резких движений, протянул её в мою сторону.

Я стояла, дрожа от холода и шока. Дрожащей рукой, в который всё ещё бессмысленно сжимала книгу, я потянулась к куртке – и только тогда поняла свою глупость. Как я возьму её одной рукой?

Покраснев от смущения даже в этом ледяном аду, я зажала книгу в подмышке и наконец свободной, трясущейся рукой взяла куртку. Она была тяжёлой, грубой, но тёплой изнутри – от его тела. Я стояла в нерешительности, не зная, накинуть её сейчас или просто держать как щит.

Тут незнакомец резко, словно дикий зверь, повернул голову в сторону, замер, прислушиваясь к чему-то далёкому, что было недоступно моим ушам. А затем так же резко обернулся обратно ко мне.

Я вздрогнула от неожиданности, едва не выронив и книгу, и куртку. Всё ещё стояла в полной растерянности, застыв между холодом, страхом и этой нелепой тёплой тряпкой в руках.

– С-спасибо, – голос прозвучал с хрипотцой, и совсем детский. До моего сознания дошло, что это был мой голос.

– Надевай, а то замёрзнешь тут, – он говорил тихо, спокойно, но одно его ухо слегка подрагивало, поворачиваясь в сторону, будто продолжая прислушиваться.

Я зажала книгу между коленями и, отводя взгляд, стала натягивать куртку. Ткань была грубой, но тепло, оставшееся в ней, обволокло плечи, будто невидимое объятие. Дрожь от холода начала отступать, уступая место страху другого рода.

Заметила его взгляд – он смотрел мне в глаза, а потом взгляд его непроизвольно скользнул ниже на грудь, лишь на мгновение. Он резко опустил голову, смущённо отвернувшись, и его уши прижались к черепу.

Стало тепло. Дрожь отступила, оставив место лишь страху и этой неловкой, тяжёлой тишине.

Когда он поднял голову, то с той же неловкой решимостью подошёл ко мне и быстро, не глядя в лицо, затянул пояс на куртке, чтобы та не болталась. Отступил на шаг.

– Меня Риху зовут.

– Аяра, – представилась я, переминаясь с ноги на ногу. Хотя какая разница, как меня зовут сейчас.

– Тебя нужно подлатать, – он снова насторожился, слегка оскалив клыки и повернув голову на еле уловимый звук. От этого стало по-настоящему страшно. – Не бойся.

Его извинение прозвучало неуклюже и по-детски искренне, будто он сам не привык, что его боятся.

– Лучше бы отсюда уйти, – решительно заявил он, набрасывая лямки рюкзака на плечи.

Уходить? Куда? Я еле стою.

– Сомневаюсь, что я дойду, – прошептала я, отодвинув полы куртки и показав окровавленное бедро, чтобы он лучше видел.

Он окинул взглядом рану – его глаза сузились, – и заявил уже более жёстко, с ноткой тревоги:

– Нужно уходить! В этих местах очень много недоброжелательных людей. И не только людей.

Сделав шаг, я стиснула зубы. Боль пронзила ногу, отдаваясь в виске. *Идти можно. Но до первого дерева. Или до второго?*

Риху быстрым, привычным движением поднял лук и коротко кивнул в сторону чаши:

– Я знаю тут одно место, там можно передохнуть. И обработать это, – он кивнул на мою рану.

Внутри что-то подсказывало, что идти за ним – лучше, чем стоять тут и ждать, пока «недоброжелательные» найдут меня сами. Но страх всё ещё сковывал горло.

В нерешительности я сделала шаг. Джинсы, болтавшиеся на бёдрах, тут же полезли вниз. Пришлось одной рукой придерживать их за пояс, а второй держа книгу сжимать ещё и куртку у горла. Нагибаться, чтобы подвернуть длинные, грязные штанины, у меня просто не было сил.

Босые ступни впивались во что попало: острые камни, сухие ветки, колючую хвою. Каждый шаг был мелкой попыткой.

Риху же шёл впереди плавно, почти бесшумно, как тень. Лишь изредка под его поношенным ботинком трещала сухая ветка или шуршала отброшенная листва. Он оборачивался каждые несколько метров, проверяя, не отстала ли я, и в его взгляде читалось не терпение, а острая, животная настороженность.

Каждый шаг давался с трудом. Нога волочилась, будто к ней привязали гирию. Пройдя несколько деревьев, я остановилась, чтобы перевести дух. В груди кололо, в глазах плыло. Но сказать новому знакомому, что мне нужна передышка, я не решалась. Стиснув зубы, сжав кулаки (один – вокруг книги, другой – вцепляясь в пояс штанов), я шла вперёд, следуя за его спиной, как за последним маяком.

Впереди, вдалеке, показалось строение. *Дом?* Сначала мелькнула надежда. Но по мере приближения она таяла, как дым. Это была не хижина, а старая развалина. Стены покосились, единственное окно было наглухо забито кривыми досками. Из облупившейся кирпичной трубы не поднимался дым – только висела мрачная, мёртвая тишина.

Уже почти у самого дома, силы покинули меня окончательно. Ноги заплетались и не слушались, будто ватные. Земля уплывала из-под ног. Единственное желание – рухнуть прямо здесь, в пыль, и пусть будет что будет.

Часть 3 Первая ночь.

Риху обернулся, откинул лук в сторону и быстро подбежал ко мне.

– Давай, помогу тебе, – его голос прозвучал твёрдо, но без раздражения.

Он начал закидывать мою руку себе на плечи, и по его лицу пробежала странная гримаса – не то отвращение, не то крайняя осторожность. Но его движения говорили об обратном: одной рукой он обхватил меня за талию, придерживая легко, почти нежно, словно боялся причинить лишнюю боль. Я, кое-как удерживая сползающие штаны, и он, поддерживая меня, доковыляли до двери в странном, нелепом танце.

Он легонько толкнул дверь ногой.

– Это, конечно, не гостиница в столице, – произнёс он с намёком на иронию, – но переночевать и перевязаться – сгодится.

Дверь с протяжным, нудным скрипом подалась. Внутри было мрачно и пропахло сыростью и старым пеплом. Сквозь дыры в потолке и прогнившей крыше пробивались лучи света, высвечивая пыль. Одна кровать (если это можно было так назвать) – груда тряпок и соломы, обмотанных что-то грязным. Стол, покосившийся и стоявший на трёх ножках. Камин, чёрный от вековой сажи и копоти.

Риху помог мне доковылять до этого ложа и усадил. Скинул свой рюкзак и, уже направляясь к двери, бросил на ходу:

– Подожди несколько минут, я сейчас.

А куда я денусь? – мелькнуло в голове. Силы покинули тело, и теперь я просто сидела, втянув голову в плечи в его слишком большой куртке, и смотрела, как он скрывается в проёме двери.

Я взяла в руки книгу. *Может что-то упустила?* Открыла, перелистнула страницу, затем следующую – всё без изменений. Те же цифры, тот же значок щита, то же описание дара.

– А, ладно. Сейчас есть проблемы посерьёзней, – проговорила я себе под нос.

Так, стоп. А что за значок щита?

Несколько раз провела по нему пальцем. Бумага была просто бумагой. Затем, почти нерешительно, ткнула в него. Ничего. Ни вспышки, ни новых строк, ни голоса в голове.

– Плевать, – закрыла книгу и отбросила её в сторону, на тряпки, что служили мне постелью.

Развязала пояс на куртке, с трудом раздвинула полы и попыталась осмотреть рану на груди. Кровь запеклась, образуя тёмную липкую корку. Сильно не кровоточило, и на том спасибо. Хотя как можно что-то разглядеть в этом мраке...

А что это было за выражение у него на лице, когда он меня подхватил? – хороший вопрос, чтобы отвлечься от боли. Он словно брезговал меня трогать. Или ... тут что-то другое? Может у него ?..

Мысли прервал шум снаружи. Теперь он не старался идти тихо – наоборот, шагал громко, нарочито, словно предупреждая о своём приближении. И вот он уже в дверях: в одной руке – лук, в другой – огромная охапка сухих палок и кривых коряг.

Он быстро прошёл к камину, сбросив ношу. Закинул внутрь несколько палок и коряг, порылся в карманах и достал непонятный тёмный камешек. Сильно сжал его в кулаке и бросил в камин.

Я наблюдала, гадая, что будет. *Неужели огонь сам разгорится?*

Камень, коснувшись дров, зашипел и задымился. Через секунду сухие ветки вспыхнули ярким, почти неестественным пламенем. У меня от удивления округлились глаза.

Риху тем временем поднялся, подошёл к рюкзаку и начал выкладывать содержимое: флягу из плотной кожи, небольшую деревянную миску, чистую (относительно) тряпку, туго скрученную ленту-бинт и маленькую деревянную баночку.

Наполнив миску водой, он взял тряпку и направился ко мне.

– Надо бы... – начал он тихим, неуверенным голосом, присаживаясь на корточки рядом. – Надо промыть... – он смотрел куда-то мимо меня, в тёмный угол.

Я сняла куртку, обнажив левый бок, и прикрыла грудь свободной рукой. Он старательно смотрел в сторону.

Мы сидели так какое-то время – я, прикрываясь, он – на корточках, будто замерший. Хотя, конечно, он знал, что делать.

Наконец он повернулся. Потянулся к груди, но резко отдернул руку, застыв с сжатыми в кулак пальцами. Я чуть развернулась к нему, облегчая доступ.

Он смочил тряпку.

– Сейчас, возможно, будет щипать, – предупредил он и, почти не касаясь, провёл холодной мокрой тканью по коже.

Странное ощущение – холод и одновременно сотни мелких, колющих иголок. Он выжал тряпку на пол, снова смочил и продолжил. В воздухе висела тяжёлая, давящая тишина.

Хотелось её разорвать. В голове вертелись вопросы, но язык не слушался. *Просто спроси.*

– А ты... куда направлялся? – выдавила я, и голос исказился от неприятных ощущений.

– В... – он замялся. Глаза его на мгновение метнулись, скользнув по обнажённой коже. Он прокашлялся. – В столицу.

Я нервно сглотнула. Он может просто уйти. *И я останусь здесь одна.* Нужно узнать больше. Но не хочется просто пользоваться им. Если он, конечно, «он» ... *А можно ли его назвать человеком?*

– Можно вопрос? – начала я неуверенно, не зная, ответит ли он.

Он лишь коротко кивнул: *Валяй.*

– Эм...– я не знала, как это сформулировать. Прямо спросить – неудобно. – Вот есть люди, есть такие как ты ...

– А, ты о том, какие ещё есть расы? – перехватил он.

Я кивнула и, на всякий случай, подтвердила: – Ага.

– Люди, – он скривился, будто произнёс ругательство. – Так же есть сангвиары. Это вампиры. Точнее, бывшие...

– Вампиры? – с ужасом переспросила я и тут же добавила: – Извини.

Он резко остановился, посмотрел на меня и сказал успокаивающе:

– Они бывшие вампиры.

– Бывшие? – прошептала я, не веря ушам.

– Если вкратце... Был один старый алхимик-вампир. Он искал способ избавиться от жажды крови.

– И...– протянула я, не зная, хочу ли услышать ответ.

– Он нашёл способ. Они перестали пить кровь, но всё ещё бояться солнца. Точнее, солнечные лучи оставляют сильные ожоги.

То ли он не заметил, то ли отвлёкся, но теперь он уже не промывал рану, а слегка водил пальцем по краю пореза. От этого прикосновения меня бросило в жар, и по спине побежали мурашки.

Когда он осознал, что делает, то резко отдернул руку, словно обжёгшись. Отставил миску, взял баночку и открыл её. Комнату наполнил сильный сложный запах: трава, хвоя, мята и что-то ещё, острое и горькое.

Набрав мази на пальцы, он предупредил:

– Сейчас, возможно будет жечь.

Он начал втирать мазь в порез. Резко зажгло, обжигало изнутри. Через несколько секунд боль отступила, сменившись глубоким холодом и лёгкой дрожью.

– Сангвиары, – продолжил он, отвлекаясь, – Они лекари. Живут обособленно, но в столице есть госпиталь, где они лечат людей.

Он поднялся на ноги, отставил банку, взял бинт и быстро размотал его. И застыл, глядя то на меня, то на свои руки, то на бинт. Словно перед ним была не живая девушка, а сложный механизм. Он протягивал руки то вперёд, то отводил обратно.

До меня наконец дошло. Он хочет перебинтовать. Но как, если я прикрываюсь?

Всё ещё прикрывая грудь, я с трудом стянула с себя остатки рваной рубахи.

– Мне встать? – уже начала подниматься, но он остановил меня жестом.

Он закрыл глаза, явно пытаюсь решить неразрешимую задачу.

Чувствую, как по щекам потёк жар – не просто румянец, а предательское пламя. В нерешительности, почти заставляя себя через силу, убрать руку.

Это надо... Представь, что это врач... Просто врач...

Хоть таковым он и не является, но всё же. Он единственный, кто понимает, что нужно делать.

Но рука не слушалась, словно её приклеили к груди, предательски не желая отрываться. Собрала всю волю в кулак и резко отдернула её, словно отдирая пластырь. Стыд охватил целиком, ощущение уязвимости. По коже пробежал холодок, сменяясь бугристыми пятнами мурашек.

Старалась не смотреть на него, но получалось отвратительно. Глаза предательски смотрели на него, не желая подчиняться. В его глазах читалось смущение, словно он видел обнажённую женскую грудь впервые в жизни.

Если бы не его мягкая щёрстка на щеках, он бы точно стал красным.

Я взрослая женщина, ну, в теле ребёнка. «Соберись», —мысленно сказала я себе.

Его руки на секунду дрогнули – я успела это заметить. Он закрыл глаза, шумно вдохнул, выдохнул. Слегка отдало прохладой по телу от его дыхания. Открыл глаза, полные решимости. Взял один конец ленты, придерживая у рёбер, начал обматывать вокруг торса, слегка натянул, провёл пальцами. От прикосновения его пальцев к открытой коже пробежал жар, внутри что-то дрогнуло – быстро подавила это чувство ещё в зародыше. Старалась отвернуться, но глаза упрямо следили за его действиями. Он начал обматывать второй раз, так же пригладил, провёл по всей длине ленты.

Быстро достал из-за спины кинжал. Лезвие блеснуло в полумраке. Где-то внутри всё сжалось, по спине пробежал холодок страха. Но Риху лишь быстрым движением отрезал ленту, конец пригладил к груди. Нервно сглотнул, словно испачкал прекрасную вещь своими пальцами.

Остаток бинта быстро, туго начал скручивать обратно. Немного отстранился, осмотрел, что получилось, холодным, но в то же время каким-то стыдливым взглядом. Сам себе кивнул, словно говоря: *до города сойдёт.*

Взгляд скользнул на бок, где был синяк. Быстро осмотрел его:

– Сам заживёт, – его голос прозвучал тихо, нервно, несобранно. – А вот...

Тут он посмотрел на ногу, плечи осунулись, голова опустилась. Он устало потёр виски – не от усталости, а от того, что будет дальше...

Я и сама понимала, что придётся снимать штаны. Закрыв глаза, собиралась с силами. Просто чуть снять штаны, чтобы он смог промыть рану и перебинтовать.

Риху встал, подошёл к камину, подкинул несколько палок, досок.

Огонь разгорелся с новой силой, освещая мрачную хижину.

Я же встала, опираясь на здоровую ногу. Штаны сами сползли до колен.

Когда он повернулся обратно ко мне, застыл, словно ледяная статуя. В нерешительности подошёл ближе.

Я уже сидела полу-боком, вытянув ногу, давая ему возможность хорошо осмотреть и промыть.

Быстро осмотрев рану, достал несколько травинок и щепок. Взял ту же миску с водой, намочил тряпку и стал промывать. От прикосновения ногу словно обожгли – она дёрнулась в сторону. Внутри нарастал тремор, руки судорожно вцепились в грязную ткань лежанки.

Он выжал тряпку, снова намочил и, в нерешительности, одной рукой взял моё бедро с внутренней стороны. Его пальцы скользнули по коже, остановившись почти у самого края белья. От этого ощущения стало не по себе, меня бросило в жар, дыхание стало тяжёлым и сбивчивым.

При желании он может пальцами коснуться...

Прогоняя мысль, старалась думать о чём угодно, только не о том, где лежит его рука и в какой близости. Тепло его руки разливалось по всей ноге, отчего становилось... тепло. Успокаивающе.

Продолжил промывать дальше, слегка проводя тряпкой. Было видно, как ему становилось неловко, и это чувство только нарастало. Надо было как-то разрядить ситуацию, но слова не хотели сходить с языка.

– А в столице... – преодолевая боль в бедре, заставила себя выдать вопрос, – чем будешь заниматься?

Он посмотрел на меня с неподдельным удивлением. Но тут же осёкся – взгляд скользнул ниже, на живот, и виновато вернулся к моим глазам. Чуть отодвинул руку, которой придерживал бедро, ближе к коленке.

– Там... – он прокашлялся, – там есть подземелья.

Осмотрел ещё раз рану, взял в руки банку с мазью. И тут нога сама дёрнулась в предчувствии. Сжав кулаки до боли в костяшках, приготовилась к худшему.

– Можно, теперь я спрошу тебя? – нерешительно начал Риху.

Закрыв глаза, ждала боли, которая не приходила.

– Ага.

– Что это за книга?

– Книга? – нервно переспросила я.

И только сейчас вспомнила про неё. Она всё так же лежала неподалёку – таинственная, тяжёлая, со своими тайнами.

– Точно не знаю... – начала я, и в этот момент он провёл мазью по ране.

Боль ударила, жгучая и острая, словно резали раскалённым ножом. Нога рванулась, пытаясь машинально уклониться от пытки, но его рука держала крепко.

Я посмотрела в его глаза. Они были полны боли и сочувствия, словно говорили: прости меня.

После жара ногу обдало ледяным холодом. Вокруг раны и по бедру поползли мурашки, плавно перебираясь выше, на живот и дальше.

Тяжело выдохнув, старалась успокоиться.

Он взял бинт, начал заматывать бедро. Чуть сильнее, чем нужно, отчего зашипало с новой силой. Когда всё закончилось, отстранился. Уложил обратно всё в сумку. Достал небольшой мешочек, развязал его, достал несколько каких-то ягод и отправил в рот. Начал медленно жевать, смотря куда-то в тёмный угол.

Я же продолжала сидеть. Надевать рваные штаны не хотелось, но пришлось. Взяла его куртку, в нерешительности надела, прикрываясь. Запуталась в полах, завязала ремень.

Неужели я ему противна? – промелькнуло где-то в голове. Или это... скорее всего, это стыд от увиденного.

– Что это за книга? – всё ещё глядя в тёмный угол, спросил он.

Взяв её в руки, открыла. Всё без изменений. Протянула ему в нерешительности.

– Если хочешь – возьми.

Он резко, словно его ударили по щеке, повернул голову. Пристально посмотрел на зажатую в моих пальцах книгу, потом – мне в глаза. Отложил мешочек. Потянулся к ней. Открыл, глаза забегали по страницам. Он тяжело вздохнул.

– Я не могу прочитать это, – возвращая мне её обратно.

– Как? – не веря своим ушам, переспросила я. Может быть...

Открыла и только сейчас поняла, что всё написано на моём родном языке.

– Я могу тебе рассказать, что тут написано... – остановила себя на полуслове, в нерешительности посмотрела ему в глаза.

Он повесил уши, виновато глядя на меня.

– Если ты хочешь.

С одной стороны, мне хотелось узнать о мире побольше, но с другой стороны... а стоит ли ему говорить, что написано в книге? Уже жалела, что предложила.

Открыла книгу, рассказала про характеристики, про дар – если его так можно было назвать.

И тут у него расширились глаза, словно он увидел меня впервые.

– Ты... – начал он, нервно постукивая себя кулаком по ноге. – Ты не отсюда, так ведь?

Если он имеет в виду, что я из другого мира, то да! – но это я пока ему точно не скажу. Фиг его знает, как к таким, как я, тут относятся.

– Ладно... – он нервно смотрел то на меня, то на пол. – Странные у тебя характеристики, – его голос стал почти шёпотом, словно мысли вслух. – Так ещё и дар, которого уже больше трёх веков ни у кого нету.

Он резко поднялся, подошёл, сел рядом.

– Позволишь?

Сейчас в нём играло самое обычное любопытство. Он, наверное, уже забыл, что было ещё несколько минут назад. Открыв книгу на первой странице, он смотрел на неё, потом – нежно, словно боясь чего-то – провёл пальцами по таблице. Скользнул к значку в виде щита на краю листа.

– Ты видишь то же, что и я? – перевёл взгляд с книги на меня.

– Ну... просто значок щита, – растерянно пробормотала я.

– Скорее всего, ты защитник.

Он сложил одну руку на колени, другую, сжав в кулак, подставил под подбородок. Принялся снова размышлять вслух.

– Дар... – минутное молчание казалось вечностью. – Ты в лесу замедлила время. – он посмотрел на меня, в глазах был еле уловимый испуг. Но в то же время – и удивление. Потом снова повернулся, уставился перед собой и продолжил. – Ловкость... Ловкость... Но защитникам она... хотя нет, ну конечно! – он сильно ударил себя кулаком по бедру. – Ты, скорее всего, защитник на уклонение.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. У меня расширились глаза.

– Защитник? Что это...?

– Ты будешь принимать на себя всех врагов в подземельях.

Тут у меня челюсть если не упала, то отвисла точно. Я осмотрела себя. Своё – нет, не своё – но новое тело, в которое меня запихнули в этом мире. Маленькое. Хрупкое.

– Ты точно в этом уверен?!

Тут он почти стальным голосом произнёс, словно подводя итог:

– С таким даром хорошо быть защитником, к тому же в книге нарисован щит.

Но тут же его голос сменился на более рассеянный.

– Хотя что угодно можно было бы нарисовать.

И, словно подводя черту, заключил:

– Есть только один способ проверить это.

Нервно слотнула, смотря на него и не зная, что думать: то ли он так шутит надо мной, то ли говорит серьёзно. Но решила уточнить.

– И какой способ?

– Сходить в самое лёгкое подземелье, – из его уст это прозвучало, словно «сходить на прогулку по магазинам».

– Можешь ещё раз сказать, какие у тебя...

Не дав ему закончить, перечислила ещё раз свои – точнее, то, что было написано в книге – характеристики.

– Характеристики, конечно, как у семилетнего... – тут же осёкся, посмотрел на меня с паникой в глазах.

В голове крутилась масса мыслей: что с ним не так? Почему он относится ко мне словно к той, что может ему что-то сделать? Я? В такой ситуации... Может быть... тут... тут что-то большее. Надо будет позже узнать, что именно!

– Характеристики, – начал он извиняющимся тоном, – можно улучшить. Силу – физическими нагрузками... – он замолчал, словно подбирая слова, но затем продолжил: – Ловкость – только стрельбой из лука или метанием ножей. А выносливость – тоже нагрузками. Думаю, простого бега хватит, каждый день по несколько часов.

Он говорил, словно тренер, которому надо за короткий срок из хрупкой девочки сделать спортсменку первого класса.

– А ты думаешь... я смогу?

Он повернулся ко мне, в глазах всё ещё стоял стыд, но уточнил:

– Что именно?

– Сходить в подземелье.

Он снова ударил себя по ноге.

– Точно! Тебе ведь надо ещё в гильдии зарегистрироваться.

– Где? – невольно вырвалось у меня.

– В гильдии. Гильдии наёмников. Без этого – никак.

Смутно, но всё же доходило до меня, что такое «гильдия».

За всеми разговорами не заметила, как сквозь дыру в потолке и крыше пробился лунный свет, отчего невольно зевнула. Это заметил и Риху. Отстранившись, он поднялся, прошёл к другой стене и уселся.

Спать особо не хотелось – просто сказывалась усталость. В нерешительности поднялась на ноги.

– Тебе бы поспать, – резко заявил мне он.

Но хотелось чуть-чуть пройтись. Ходить было неудобно – повязка стягивала кожу под штаниной. Прошла к каминной полке. Там, в пыли, лежало старое маленькое зеркальце – чуть больше моей ладони, в простой деревянной оправе. Я несколько раз протёрла его краем куртки, смахнув грубый слой пыли и копоти. В нерешительности заглянула...

На меня смотрела девочка. Лет шестнадцать, не больше. Растрёпанные тёмные волосы, выбившиеся из-под грязных прядей. Голубые, слишком широко раскрытые глаза, в которых застыла смесь страха и непонимания. Тонкие бледные губы, маленький прямой нос... Это было молодое, неузнаваемое лицо. Лицо ребёнка, попавшего в беду. Моё лицо.

От увиденного сердце упало в пятки. Нервно положила зеркальце обратно. В голове не было мыслей – их словно вымели веником, как ненужный хлам. Вместо них стояла тишина, давящая изнутри.

Вернувшись обратно, села на лежанку, повалилась на бок. В голове промелькнула одна мысль на краю сознания: *и как теперь спать?*

Закрыв глаза, усталость навалилась одной сплошной волной, от которой некуда деться. Сама не заметила, как провалилась в сон.

Глава 2 Дар и плата

Часть 1 Утро. Первые шаги.

Сознание возвращалось обрывками, цепляясь за боль. Каждое дыхание отдавалось тупым ударом в забинтованные рёбра. Я лежала, уставившись в прогнившие балки потолка, и пыталась собрать мысли в кучу.

Это был сон. Должен был быть сном.

Но запах сырой земли, пепла и старого дерева был слишком настоящим. Холодный воздух щипал кожу там, где куртка Риху расходилась. Я медленно повернула голову – по сторонам были только мрачные стены и пыльная лежанка из тряпья.

Одиночество накатило внезапно и тошнотворно. Риху не было.

Пришлось подниматься, преодолевая слабость и ноющую боль в бедре. Первый шаг едва не стал падением: огромные, рваные штаны сползли, опутав ноги. Я едва успела подхватить их у колен. В глазах помутнело от резкого движения. Как пьяная...

Дверь поддалась с тягучим скрипом. Снаружи обрушился мир – не мой, но живой. Лес пел, кричал, щебетал. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, птицы перекрикивались в кронах. Я застыла на пороге, прикрываясь полкой чужой куртки, чувствуя под босыми ступнями холодную, шершавую доску.

Надо было что-то делать. Но что?

Паника, которую я сдерживала всю эту странную ночь, начала подниматься изнутри, как чёрная вода. От маленькой тревоги до полномасштабной бури оставался один шаг.

И тогда вдалеке, между деревьями, мелькнул силуэт. Кто-то шёл. Прямо сюда.

Сердце прыгнуло в горло, дыхание спёрло. Может, просто идёт мимо?.. Надо бежать!

Но ноги не слушались, залитые свинцом страха. Я могла только смотреть, как силуэт приближается, ускоряет шаг, поднимает голову... и затем узнала. Риху.

Он подошёл, и напряжение внутри тут же сменилось дрожащим облегчением. На плечах висел небольшой щит, на поясе – ножны с мечом. Он молча указал на дверь, пропуская меня вперёд. Жест был понятен без слов.

С трудом успокоив дрожь в руках, я проковыляла обратно к лежанке. Но едва собралась опуститься на тряпье, его голос остановил меня:

– Стой. Не садись.

Он скинул щит на пол. Тот рухнул с тяжёлым, звонким лязгом, от которого вздрогнули стены. Затем последовал рюкзак, туго набитый чем-то твёрдым. Расстегнув застёжки, Риху начал выкладывать содержимое на пыльный пол.

Показались штаны без карманов из грубой ткани, простая рубаха на завязках, куртка с капюшоном и пара поношенных сапог. Я взяла штаны, ощутив под пальцами жёсткую фактуру. Петли для ремня на поясе. Уже хорошо.

Потом он достал небольшую сумку на двух ремнях – один длинный, другой короткий. Наверное, носить на бедре, – мелькнуло у меня.

Порывшись в карманах старой куртки, я наконец нащупала забытый мешочек. Протянула его Риху, пальцы слегка дрожали:

– Можешь подсказать?..

Он взял его, в нерешительности развязал шнурок и высыпал монеты на ладонь.

– Вот эта, – он поднял золотую, чтобы она блеснула в луче света, – стоит сто серебряных. А одна серебряная – сто медных. Всё просто.

Его движения были быстрыми и точными. Сложив всё обратно, он протянул мешочек мне и направился к выходу, бросив на ходу:

– Я подожду снаружи.

У самой двери обернулся. При дневном свете его лицо казалось ещё более усталым, чем прошлой ночью. Тёмные мешки под глазами, заострившиеся черты. Неужели он и правда не сомкнул глаз?

Дверь закрылась за ним с тихим шелчком. Времени терять было нельзя. Я быстро сбросила рваные штаны и швырнула их в холодный камин. Новые, хоть и в заплатках, надевались с трудом – ткань была жёсткой, неподатливой. Но всё же лучше, чем ничего. Босые, исцарапанные ноги я с усилием запихнула в сапоги. Грубая, негнущаяся кожа неприятно давила на подъём. Размер оказался великоват. Надеюсь, не спадут во время ходьбы.

Со вздохом стянула с себя куртку Риху и надела рубаху. Та висела на мне бесформенным мешком, широкий вырез съезжал, обнажая ключицу и край бинтов. Две верёвочные завязки беспомощно болтались по бокам. Поверх натянула новую куртку. Рукава были коротковаты, едва прикрывая запястья, зато спина прикрывала бёдра. В холодную погоду будет спасительно, – попыталась я найти плюсы.

Продела ремень с ножнами. Что-то подсказывало повесить меч с левой стороны. Так я и сделала, с трудом застегнув пряжку.

Затем прикрепила сумку – небольшую, но плотную, из вощёной кожи. В неё как раз вмещаются книга и мешочек с монетами. Длинный ремень повязала поверх штанов, короткий обмотала вокруг бедра, стараясь, чтобы ничего не болталось.

И тогда мой взгляд упал на щит. При ярком свете, пробивавшемся сквозь дыры в крыше, он выглядел иначе – не просто куском снаряжения, а вещью с историей.

Большой, треугольный, похожий на металлическую слезу. Сверху – слегка закруглённый край, книзу щит сужался, образуя остриё. Его внешняя сторона была изрыта вмятинами, глубокими царапинами и потёртостями. Словно он побывал в десятках боёв и вышел из каждого с новым шрамом. С внутренней стороны тускло блестели кожаные ремни – рукоять для кисти и длинный ремень для плеча.

Наверное, чтобы носить за спиной...

Я закинула его на плечо. Тяжесть непривычно потянула вниз, ремень врезался в ключицу. *Неудобно. Но куда деваться?*

В последний раз оглядев комнату, я спохватилась. На лежанке лежала его куртка – грубая, тёплая, чужая, но спасающая меня от холода. Подняв её, я сделала глубокий вдох, будто набираясь смелости, и вышла.

Он сидел, прислонившись к стене, и поднял голову. Его взгляд скользнул по мне – быстрый, оценивающий. Я протянула ему куртку.

– Спасибо большое.

Он принял её. Подержал в руках нерешительно, словно боялся этой тряпки или её значения. Он хотел что-то сказать, но не решался, только нервно сглотнул. Потом быстро, почти торопливо, надел её, а следом закинул на плечи лямки рюкзака. И снова оглядел меня с ног до головы, уже при свете дня.

– Извини, вещи не новые, но хоть что-то, – сказал он, и в его голосе слышалась искренняя досада.

– Спасибо, – ответила я и, сама не зная зачем, слегка склонила голову. Получилось глупо и неестественно.

Я стояла, чувствуя, как жар стыда разливается по щекам. Слова благодарности вырвались сами собой, тихо и хрипло. И я тут же испугалась – не их смысла, а самого звука своего голоса в этой тишине. *Потому что...* В голове стоял туман, от которого начинало мутить. Я опустила глаза, разглядывая трещины в утоптанной земле.

Риху поднялся, отряхнул штаны от пыли, ловким движением закинул лямки рюкзака на плечи:

– Готова?

Простой вопрос прозвучал как вызов. Для меня он оказался слишком страшным.

И в тот же миг меня накрыло холодное осознание. Я не готова. Совсем.

Но деваться некуда. Не будешь же тут сидеть, пока не сгниёшь.

Мы тронулись в путь, и с каждым шагом, удалявшим нас от хижины, страх сжимал горло всё туже. Чтобы заглушить его, я заставила себя заговорить:

– А... какие есть подземелья?

Риху шёл впереди своей привычной, плавной походкой, почти бесшумной. Лишь изредка он немного ускорялся, но тут же оборачивался, бросая короткий взгляд, проверяя, не отстала ли я.

– В столице – «Клыки Бездны», – ответил он, не замедляя шага. – Ещё в часе ходьбы отсюда – «Паучье логово» и «Волчья нора».

Было заметно, как ему непривычно подстраиваться под мой хромо́й, медленный темп. Он сдерживал свою природную скорость, и это требовало усилий.

Мы вышли из густой чащи на более открытое место. Пейзаж смутно напоминал вчерашний – тот самый, где я очнулась в ином мире. *Хотя вчерашний день я бы предпочла вычеркнуть из памяти навсегда.*

Теперь мы шли между стеной высокого леса и небольшой, редкой лесополосой. В семи-восьми метрах от тропы росли странные деревья – их ветки тянулись строго вверх, к солнцу, образуя остроконечные короны. Воздух здесь был густым и пряным, пахнул хвоей, мятой и чем-то терпким, почти бальзамическим. С ветки одного такого дерева сорвался лист. Я машинально поймала его на лету. Он был узким у черешка, но к середине расширился в почти идеальный круг, от краёв которого расходились длинные, тонкие, как иглы, отростки.

Разжав пальцы, я позволила листу упасть в пыль и поспешила за Риху, который остановился впереди и теперь ждал, глядя куда-то вдаль.

– Что касается подземелий в Мёртвом лесу...

У меня резко подкосились ноги, будто кто-то выбил опору.

– Где?.. – выдохнула я.

– В Мёртвом лесу, – повторил он, и в его голосе не было никакой интонации, лишь констатация.

Хотелось спросить, что это за место, но язык не поворачивался. Лучше потом. Когда-нибудь потом.

– Так вот, – Риху повернул на узкую, едва заметную тропу, уходившую вправо. – Они считаются довольно лёгкими...

И на последнем слове его голос внезапно сорвался, словно он споткнулся о собственные мысли. Он резко остановился, будто вкопанный. Кулак с размаху ударил по собственному бедру, потом ещё раз. Он качал головой, шумно и прерывисто дыша, будто пытаясь выгнать из себя какую-то досаду.

– Прости, – он обернулся ко мне, и в его глазах читалось искреннее раскаяние. – Я забыл, что ты не отсюда... что для тебя даже «лёгкое» ...

– Ничего, – пробормотала я, желая его успокоить, но не зная как. Подойдя на шаг ближе, я вдруг почувствовала дикое желание обнять его – просто чтобы держаться за что-то живое. Но не посмела. Так и застыла, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Я забыл, что у тебя очень низкие характеристики, – Риху уже собрался продолжить путь, сделав пол-оборота, но его движение вдруг замерло на середине.

Всё его тело напряглось, как у зверя, учувшего добычу. Взгляд, острый и сконцентрированный, впился в густые кусты метрах в десяти от нас. Его заострённые уши настороженно подрагивали, ловя каждый звук, каждый шорох, невидимый и неслышимый для меня.

Тишина, наступившая, между нами, стала громкой и звенящей.

Часть 2 Первый бой.

Резкий шорох донёлся сбоку, и лес вокруг нас вдруг замер. Птицы смолкли, словно захлебнувшись собственной тревогой. Даже ветер, секунду назад шелестевший листвой, затих, будто затаив дыхание.

Я нерешительно сделала шаг вперёд, уже подходя ближе к Риху. Он искоса посмотрел за мою спину, оскалив клыки. От этого я вздрогнула и застыла в неестественной позе, заноса ногу для следующего шага. Тело тянуло вбок под тяжестью щита и меча, но я заставляла себя стоять, словно примёрзшей к земле.

Тут донёлся визг – резкий, пронзительный, эхом отражающийся от дерева к дереву.

И через мгновение из чащи, ломая кусты, выпрыгнул кабан. Огромный, с пепельной щетиной. На его морде торчали по два клыка с каждой стороны: одни изгибались вверх, огибая рыло, другие – короткие и прямые – смотрели вперёд, словно кинжалы.

Он на нас. На меня.

Я рванулась, пытаюсь сбросить щит, чтобы поднять его правильно, но движение вышло резким, и я едва не упала. Кое-как подхватила щит дрожащей рукой. Его тяжесть теперь ощущалась иначе – не как обуза, а как спасательный круг, как единственная стена между мной и этим зверем. Правой рукой, трясущейся так, что пальцы не слушались, я пыталась нащупать рукоять меча. Хватала пустоту раз, другой...

Соберись!

Заставила себя опустить взгляд на пояс, увидела свою дрожащую кисть, нервно сглотнула. Меч наконец поддался – он словно весил половину меня. Со скрежещущим звуком сталь вышла из ножен. В солнечном свете лезвие блеснуло, пуская по траве слепящих зайчиков.

Я облизнула пересохшую верхнюю губу и сделала шаг вперёд, глядя опасности в глаза.

Кабан замер метрах в пяти, будто растерялся от нашего вида. Или выбирал цель.

Выбора ему не оставили. Он вдруг опустил голову и рванул вперёд, тяжёлый и стремительный.

От нарастающего топота у меня окончательно подкосились ноги. Они обмякли, и я почти упала, инстинктивно выставив вперёд левую руку со щитом. Перевес потянул вбок, я рухнула на колени.

Со стороны, наверное, это выглядело смешно. Но в голове завелась одна мысль, нарастая, как вой сирены: *Вставай! Вставай сейчас!*

Я кое-как поднялась, вонзив нижний край щита в землю, создав неуклюжий частокот из металла и собственного страха.

Кабан, видимо, принял это за вызов. Он нёсся уже прямо на меня, и с каждой его парой метров сердце выбивало в висках всё яростнее. Страх сковал горло холодной рукой.

И тут я увидела Риху. Он стоял в стороне, спокойный, почти отстранённый. Лук в его руках был уже натянут.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Три стрелы одну за другой вонзились в морду зверя. Из ран брызнула тёмная, гранатовая кровь, рассыпаясь по земле крупными каплями.

Но кабану было всё равно. С торчащими из рыла древками он продолжал нестись на меня. Что-то внутри дёрнулось – не разум, а чистое животное желание выжить. Я рванулась навстречу, замахиваясь щитом.

Удар вышел детским, неуклюжим. Кабан лишь чиркнул по металлу клыком и промчался мимо, развернувшись для нового захода.

Вдох. Выдох.

Я перехватила щит поудобнее. И тут заметила, как ещё одна стрела Риху впиалась в переднюю ногу зверя. Раздался оглушительный, разрывающий тишину визг.

Хромая, но всё ещё яростный, кабан снова пошёл в атаку. На этот раз – прямо в мой щит.

Удар отозвался во всём теле ледяной волной боли. Рукоять щита врезалась мне прямо в синяк на боку, вышибая воздух. Я шумно выдохнула, сделала жадный глоток – и едва удержалась на ногах. Мир поплыл.

Сбоку мелькнула тень Риху. Он плавно выпустил ещё одну стрелу. Она вошла кабану прямо в глаз.

Зверь издал булькающий, захлёбывающийся звук, пошатнулся и рухнул на бок. Лапы ещё несколько раз дёрнулись, скребя землю в последней судороге.

Риху быстрыми шагами подошёл и всадил в тушу ещё одну стрелу – уже наверняка. Движения закончились.

Я стояла, трясясь, пытаюсь унять бешеную дрожь в руках и бешеный стук сердца. Пальцы всё ещё мёртвой хваткой сжимали рукоять меча.

Риху перевёл взгляд на чашу, откуда выбежал кабан, настороженно прислушиваясь. Но, видимо, не уловив новой угрозы, повернулся к добыче. Отбросил лук, присел на корточки и достал свой кинжал.

– Что, для верности? – хрипло вырвалось у меня, когда он направил лезвие к горлу твари.

Он поднял на меня взгляд, не понимая. Я лишь кивнула на клинок.

Риху виновато опустил уши, уставился себе под ноги и вдруг начал бить себя кулаком по бедру. От этого жеста мне стало не по себе – я уже хотела крикнуть, чтобы он остановился, но, обойдя тушу, увидела его лицо. На нём была не ярость, а та же самая досада, что и раньше.

– Я опять... – он прервал себя, продолжая бить по ноге. – Совсем забыл, что ты не отсюда.

– Что ты будешь делать? – спросила я, просто чтобы разорвать это тягостное молчание.

Он поднял голову, стараясь придать лицу обычное выражение.

– Части монстров скупают. Шкура, мясо, клыки...

– А... – я протянула. – Ты будешь его... разделывать?

Он лишь кивнул и провёл лезвием по горлу. Хлынула густая, тёмная кровь. В воздухе повис тяжёлый, медный запах сырого мяса и крови. К горлу тут же подкатила тошнота. Я подавила её, присев рядом – не из любопытства, а потому что ноги больше не держали.

Старалась смотреть не на тушу, а на лицо Риху, сконцентрированное на работе. И тут мой взгляд скользнул на кусты. Они шевелились. Сначала я подумала – ветер. Но нет.

Из чащи, с хрустом ломая ветви, выползли три тени. Чёрные, низкие, с горящими в полумраке глазами.

Волки.

Риху мгновенно выпустил кинжал – тот с глухим стуком упал в пыль. Его рука уже шарилась по колчану, выхватывая стрелу.

– Ставь ведущую ногу вперёд, – сказал он быстро, почти не глядя на меня. – Другой упираться. Щит ближе к корпусу.

Звери не стали ждать. Рыкнув, они ринулись в атаку.

Риху встретил их градом стрел. Одна впиалась в морду первого волка, вторая – в шею. Тот свалился на бок, скуля и скребя лапами землю.

Второй волк выбрал меня. Риху сделал резкий кувырок в сторону, освобождая пространство. Жест был ясен: Этот – твой.

Я прижала щит к телу, напрягла дрожащие мышцы и изо всех сил замахнулась им, пытаясь отбить атаку. Удар пришёлся по голове зверя, отшвырнув его в сторону. Волк кувыркнулся, но мгновенно вскочил на лапы, оскалив окровавленные клыки. Его взгляд был холодным и пустым – взгляд убийцы.

Сконцентрируйся на своём! Смотри на опасность, а не летай в облаках!

Волк рванул снова. Я взмахнула щитом, попыталась ударить мечом – но клинок лишь глухо вонзился в землю, поднимая клубы пыли. Звуки вокруг словно приглушались, и в наступившей тишине стало не по себе.

Хищник начал кружить вокруг, выискивая слабое место. Краем глаза я видела, как Риху сражается с двумя сразу, ловко уворачиваясь и рассекая воздух своим клинком.

И в этот миг мой волк прыгнул.

Так резко и неожиданно, что я не успела даже отпрянуть. Он врезался в щит всей массой, проскрежетал когтями по металлу, и мы рухнули на землю – вернее, рухнула я, а он оказался сверху, придавив меня к почве.

Его морда оказалась в сантиметрах от моего лица. Я скулила от ужаса, вцепившись в щит, как в последнюю соломинку, отделявшую меня от смерти. Прижатая к синяку рука горела огнём, дыхание спёрло.

Встать. Надо встать!

Стиснув зубы до хруста, я собрала все силы и рванула щит вверх, сбрасывая зверя. Он отлетел, но я поднялась слишком резко – мир заплясал перед глазами, рука онемела, и я едва не выронила щит. По щекам текли предательские слёзы бессилия.

Я перехватила рукоять, держа щит перед собой, уже не видя ничего вокруг, понимая лишь одно: *сейчас решается всё*.

Волк прыгнул снова.

И в этот миг, инстинктивно отдернув руку со щитом и закрыв глаза, я прошептала одними губами:

– Замри.

Открыв глаза, я увидела мир, погружённый в густой мёд. Волк застыл в прыжке, его лапы замерли в воздухе, даже пыль от его толчка висела неподвижными облачками. Тишина стала абсолютной, звенящей.

Но внутри меня всё горело. Голова раскалывалась на части, рёбра сжимались невидимыми тисками, в ушах пульсировала нарастающая, воющая нота. Руки свело судорогой.

Быстрее!

Я из последних сил занесла меч и нанесла удар. Клинок вошёл в шею волка – плавно, чётко, без сопротивления.

Хватит!

Сделав судорожный, глубокий вдох, я мысленно крикнула, чтобы время вернулось.

Мир рванулся вперёд с какофонией звуков. Рык, вой ветра, и – хлынувший фонтан крови, забрызгавший моё лицо, руки, землю. Алая пелена залила всё перед глазами.

В ушах стоял оглушительный гул. Руки безвольно опустились, меч с тяжёлым стуком упал на землю. Ноги подкосились, и я рухнула на колени, давась воздухом, который не хотел заполнять лёгкие.

И тут вспомнила про Риху. Подняла голову.

Он стоял над двумя остальными тушами, опуская свой окровавленный клинок. Его взгляд встретился с моим. Он быстро перешагнул через тушу и подошёл, присев рядом. Хотел что-то сказать – но, видимо, передумал.

Я трясущейся рукой подняла меч и, с трудом попав в ножны, убрала его.

– Это был твой дар? – тихо спросил он.

– Ага, – сдавленно выдохнула я, пытаюсь и не могу подняться. – Та ещё дрянь.

От этих слов его брови поползли вверх. Я пыталась вспомнить, говорила ли ему про побочные эффекты. Но мысли разбегались, как ртуть.

– У этого дара, – проговорила я, всё ещё отплёвываясь от привкуса крови на губах, – есть цена. Голова раскалывается, рёбра ломает изнутри... Всё болит.

Он слушал, не перебивая, и по мере моего рассказа его глаза становились всё шире – не от страха, а от какого-то странного, леденящего понимания.

Я кое-как поднялась на ноги, отойдя подальше от места бойни. Спина, ноги, руки – всё кричало от боли и переутомления. Добравшись до относительно чистой лужайки, я просто повалилась на спину, зажмурилась и позволила телу наконец дрожать – не от страха, а от дикой, выматывающей усталости.

Над головой, сквозь слёзы и пелену в глазах, я видела только странное, чужое небо и слышала тяжёлое, ровное дыхание Риху где-то рядом.

Глава 3. Лейндейл. Часть 1. Чужой город

Сознание уплывало, как дым. Глаза закрывались сами собой, и я изредка заставляла их открываться – получалось отвратительно, будто веки налились свинцом.

В конце концов я сдалась и позволила себе погрузиться в тягучую дрему. Сквозь неё глухим эхом доносились звуки этого мира: скрежет, чавканье, тихие, неразборчивые голоса...

Меня резко разбудили.
Неужели я всё-таки уснула? Вот так, просто?

Передо мной стоял Риху. Под мышкой он держал несколько свёрнутых в тугие рулоны шкур. Сонным взглядом я осмотрела место нашей недавней бойни – точнее, то, что от неё осталось.

Картина взбудрила не хуже чашки самого крепкого кофе. На земле лежали почти голые, обглоданные кости, рядом – куча тёмных, уже присохших внутренностей... Воздух тянуло медной гарью и смертью.

Он молча подал мне руку, помог подняться. Спина, ноги, бёдра – всё затекло, словно ватное и налитое тяжёлым онемением.

Мы тронулись в путь по тропе. Я шла следом, пытаюсь не спотыкаться о корни.
– Ты... – начала я, но обратила внимание, что мешок на его плечах явно прибавил в весе и объёме, хотя, может, мне и показалось. – Неужели ты их... всё?

Он резко остановился, обернулся. Одна его бровь поползла вверх.
– Что?
Я нервно сглотнула, не решаясь спросить прямо.

Он, не отвечая, лишь слегка подпрыгнул на носках. Рюкзак на его спине приподнялся и тяжело опустился обратно, издав глухой, мясной звук.

– Всё, что можно было срезать и упаковать, – в мешке, – сказал он, уже поворачиваясь и делая шаг дальше. – В городе продам.

И только после этого, уже шагая впереди, он неожиданно начал насвистывать какую-то мелодичную, почти беззаботную мелодию.

Перед глазами открылась удивительная и в то же время леденящая картина. Дорога, шириной не больше пяти метров, уходила вперёд, будто прорезанная в чаще. По краям росли деревья с тёмной, почти чёрной корой, их ветви сплетались над тропой, образуя сплошную, густую арку. Она укрывала от солнца – здесь царили прохлада и тишина. Но справа, за редкой стеной стволов, виднелся не лес, а его призрак: выжженная до угольной черноты земля, обугленные скелеты деревьев, торчащие в небо, как обгоревшие кости.

По шее и вдоль спины пробежал холодок, тонкий и противный. Становилось не по себе. А Риху шёл и насвистывал, будто не замечая мёртвой пустоши рядом.

Надо как-то отвлечься. Спросить о чём-нибудь.

– А где находится столица? – выдохнула я, едва поспевая за его шагом.

Он, не прерывая мелодии, просто указал пальцем прямо вперёд, даже не обернувшись.

– Я так думаю... – начала я осторожнее, подбирая слова. – Лучше никому не говорить о моём даре?

От этого вопроса он остановился, будто споткнулся о невидимый камень. Насвистывание оборвалось на полу свисте. Он медленно повернулся и уставился на меня. Я – на него. Мы простояли так несколько секунд, пока тишина вокруг не стала густой и давящей.

Первым её нарушил Риху.

– Да, – сказал он коротко. – Лучше вообще никому не знать ни о даре, ни о книге.

– А книга-то что?.. – попыталась я возразить, чувствуя, как в груди шевелится непонятный протест.

Он развёл руками, и в этом жесте читалась беспомощность.

– Странная книга. Неизвестно, что она ещё может. И кому это может быть... интересно.

– Но ведь читать её могу только я, – парировала я, хотя голос звучал неуверенно.

Он привёл аргумент, против которого нечего было возразить. Жёсткий и безжалостный.

– А тебе нужно лишнее внимание?

Мне вообще не нужно внимания. По крайней мере, сейчас. Особенно такого.

– Поняла, – нервно закусив губу. – Никому не говорим, что это за книга.

Он кивнул, развернулся и зашагал к городу, уже не насвистывая. Мы прошли несколько десятков метров по пыльной тропе, прежде чем он, не оборачиваясь, тихим, будто невзначай брошенным голосом произнёс:

– Для первого боя ты держалась хорошо.

Эта фраза ударила в самое нутро – странно, двойственно. Она прозвучала одновременно холодно, как констатация факта, и тепло, как редкое одобрение. Внутри всё ёкнуло. Сердце, казалось, сделало сальто. Я почувствовала, как щёки наливаются предательским румянцем, и быстро опустила взгляд, чтобы он не заметил.

Мы миновали последние деревья, и тёмная арка над головой разомкнулась. Из прохладной тени мы вышли под палящее, беспощадное солнце, которое слепило глаза после полумрака.

Усталость накатила с новой, удвоенной силой. Я накинула капюшон – хоть какая-то защита от солнечного удара – и побрела дальше, чувствуя, как пот стекает по спине. Справа простирались бескрайние, волнующиеся на ветру поля каких-то золотистых злаков. Вдали, как маленькие тёмные точки, виднелись люди, согнувшиеся в работе. Наверное, собирают урожай.

Слева, в противовес упорядоченным полям, буйным ковром росли дикие цветы. Они сбивались в пёстрые, неровные группы: ярко-оранжевые, рядом – глубокие фиолетовые, дальше – небесно-синие. Бесформенными пятнами они пестрели всеми цветами радуги, и от этого пейзажа захватывало дух своей простой, дикой красотой.

И впереди, наконец, показался он. Город. Небольшой, приземистый. Чётко вырисовывались несколько сторожевых башен и высокий, мощный забор из тёмного, почти серого камня.

Риху внезапно широко раскинул руки, словно пытаясь обнять весь открывающийся вид, и в его голосе прозвучала непривычная нота – что-то вроде гордости или облегчения.

– А вот и она! Столица! Лейндейл!

Чем ближе мы подходили, тем больше деталей проступало. Ворота оказались не просто большими, а циклопическими – тяжёлые створки из чёрного дерева, окованные железом. Возле них, неподвижные, как статуи, стояли двое стражников. Их доспехи – полные латы – блестели на солнце матовым стальным блеском. Забрала на шлемах были опущены, скрывая лица. И как им не жарко в этой железной скорлупе под палящим солнцем?

Один из них, сдвинувшись с места с лёгким звоном пластин, сделал шаг навстречу. Его голос из-под забрала прозвучал глухо, но твёрдо.

– Куда путь держите?

– В гильдию, – ответил Риху без тени сомнения. – На регистрацию новичка.

Стражники переглянулись – этот жест был виден даже сквозь щели забрал. Мгновение тишины, взвешивания. Потом первый кивнул коротко, отрывисто.

– Проходите.

Едва я переступила порог, в нос ударил настоящий шквал запахов. Сначала – едва уловимый, но такой родной и манящий тёплый аромат свежей выпечки. Но он тут же был сбит, перекрыт густым, устойчивым амбре: лошадиный пот, навоз, городская пыль, дым очагов. В ушах встал сплошной, нарастающий гул городской жизни.

Пройдя чуть дальше от ворот, я увидела источник части запахов – большую, длинную конюшню. В стойлах, за низкими перегородками, стояло с десятков лошадей разных мастей.

Сам город показался однообразным. Дома стояли вплотную друг к другу, почти все одинаковые. Каменный низ плавно перетекал в деревянные брёвна с половины первого этажа до самой крыши, покрытой чёрной черепицей.

В основном это были двухэтажные постройки. У одного был флюгер в виде мыши, у другого – лук. Дорога была широкая, казалось, тут три повозки точно разьедутся, и ещё место останется. Она уходила далеко вдаль, и казалось, что конца её не видно из-за домов и людей, снующих туда-сюда, как муравьи.

Город шумел. Звуки каблуков, шум и гам, кто-то кричал, некоторые торговцы зазывали в свои лавки прохожих. Стук каблуков, обрывки разговоров – всё это сливалось в один непрерывный гул.

Вскоре показались дома с большими круглыми вывесками. На одной из них была нарисована большая, пышная булочка. Из открытого окна потянуло свежей выпечкой, с лёгкой гарью и жаром печи.

Рядом был дом, узкий, он выделялся среди остальных. От стены до стены было всего одно окно и дверь. Красная, выцветшая крыша, местами черепицы не было. Возле входной двери висела табличка с изображением колбы.

Из приоткрытого окна потянуло приторно-кислым запахом, мятой, хвойными нотками, гарью и... смертью.

Через дом показался не менее странный и в то же время жуткий дом. Высокий, непомерно высокий, но в основном из-за крыши. Она сильно выделялась на фоне других – чёрная, острая. Большое массивное каменное крыльцо. Возле дверей стояли две каменные статуи: летучая мышь и сова. Я обратила внимание на окна – они были наглухо зашторены плотной тканью.

Следом показалась аллея. Такая же длинная, как и сама главная дорога. Её словно разделяла пополам линия деревьев, образующих тень, под которыми стояли лавочки. На них сидели люди, отдыхая, что-то обсуждая. Кто-то о чём-то спорил. Некоторые просто спали.

По левую руку были магазинчики, судя по всему, с вещами и разными тканями. Из одной такой вышли три девушки в цветастых платьях, энергично что-то обсуждая. Из соседней вышли двое мужчин, судя по всему, в новых деловых костюмах – длинный пиджак, зауженный сзади, и брюки.

Дальше была вывеска, на которой виднелась кофта в заплатках. Туда зашли двое парней и девушка. Донеслись обрывки их разговора:

– А обязательно тут покупать?

– У нас пока деньги только на это есть...

Они быстро зашли, словно стеснялись того, куда идут.

Показался небольшой переулок. Я невольно остановилась, всматриваясь в длинную улицу. Там вдалеке стоял странный дом с красными шторами на дверях. Откуда постоянно кто-то выходил или заходил.

– Аяра!

Повернувшись, я увидела, как Риху подходит ко мне. Он коротко посмотрел в ту же сторону, схватил меня за руку и повёл дальше, словно ребёнка, который мог потеряться. Но стоило нам отойти от того дома на несколько шагов, как он отдёргнул руку, словно боялся чего-то.

– Пожалуйста, не отставай.

Мы шли дальше, и почти возле каждого магазина была вывеска – круглая, большая, словно щит. То рулон тканей, то кусок мяса...

Из открытого окна потянуло жареным мясом, хлебом, жареной рыбой, овощами. И чем-то до боли знакомым – да это же...

– Картошка! – воскликнула я, и желудок предательски заурчал.

Риху шёл рядом, только искоса смотрел на меня.

– В гильдии есть таверна, там заодно перекусим.
– Ага.

Мы шли дальше. Чем глубже заходили, тем больше казалось, что вывескам не будет конца. Они тянулись вдоль всей улицы, которая тоже казалась бесконечной.

Мы подошли к относительно узкой улице – в ширину от дома до дома было половину того, что на главной дороге.

Не доходя до поворота, я подошла к стене дома, облокотилась, тяжело дыша. Боль резко охватила ногу, отдаваясь в бок.

Запрокинув голову, я увидела очередную вывеску – «Молот и наковальня».

Из открытых ворот доносился глухой, ритмичный стук. От любопытства я подошла ближе – звук усилился. Резко запахло потом, обдало жаром и духотой.

В нерешительности я заглянула в глубь помещения.

Там, в полумраке, возле пылающей печи стоял мужчина. При каждом взмахе молота в его руке и ударе о наковальню вылетал сноп искр, на миг освещая всё вокруг.

Стало и интересно – аж захотелось зайти, – и боязно: а вдруг хозяин накричит, что его отвлекли?

Я уже повернулась, собираясь уточнить: «Тут кузня?..»

И тут реальность накрыла меня с головой новой, тошнотворной волной, подбираясь к горлу и сковывая в безнадёжной попытке освободиться из её плена.

Риху не было!

Кругом люди, не переставая, шли, мельтешили перед глазами. А того единственного знакомого силуэта – не было. Я ещё раз осмотрелась, вдруг я его упустила, вдруг он вот-вот стоит, а я не вижу.

Но нет. Его не было. Паника накрыла новой волной, не оставляя ни шанса. В нерешительности я сделала шаг назад, к тому месту, где видела его в последний раз. На повороте налево. И уже почти хромяя, возле самого угла, мы с ним встретились лицом к лицу.

У него был испуганный взгляд.

– Ты куда пропала?

– Решила перевести дух, а тут увидела... – мне было стыдно признаться, что отвлеклась на кузницу. Я только виновато посмотрела вниз на свои сапоги.

– Пойдём, – сказал он, схватил меня за руку и повёл дальше.

Мы немного прошли вперёд. Боль в бедре отдавалась всё сильнее, простреливая вспышками разряда тока в бок, от чего становилось больно дышать.

– Давай... – стиснув зубы от боли, – давай передохнём, а?

Он остановился и только сейчас отёрнул руку, словно боялся чего-то или кого-то.

Я привалилась спиной к холодной каменной стене, принялась тяжело дышать, словно пробежала марафон.

Тут раздался крик – тяжёлый, мужской:

– Давайте быстрее, твари!

Посмотрев на источник звука, я увидела, как толстый мужчина, держа в руках что-то вроде плётки, орал на двух мальчишек лет двенадцати. При каждом его крике они вздрагивали, словно боялись сделать что-то не так.

Тут один из них скрылся в дверях, а тот, что остался на улице, поднял коробку. Начал ставить её на повозку, но выронил из рук. Ноша с грохотом упала на камни, звук отскакивал от стен, как теннисный мяч; пыль поднялась большим облаком.

Резкий звук хлыста раскатом отразился от стен:

– Поднимай! – крикнул мужик, подходя ближе.

Ребёнок старался поднять, но коробка была, судя по всему, тяжёлой. Он начал плакать.

Кругом ходили люди и никакого внимания на это не обращали, словно ничего не происходило.

– Поднимай, тварь! – крикнул ещё раз мужик.

И, не дождавшись действий, ударил носком тяжёлого сапога мальчишку в живот. Того скрючило, он повалился на землю.

– Вставай!

Внутри что-то щёлкнуло. Я уже не понимала, что делаю. Я просто начала идти к ним. Но тут меня с силой схватили за руку чуть выше кисти и повели в другую сторону.

– Да там... – начала я.

– Ты им ничем не поможешь! – твёрдым, стальным голосом заявил Риху.

Он уводил меня прочь. Я могла только бессильно идти следом, закипая яростью. Не знаю, что бы я сделала, если бы он меня отпустил. Скорее всего, совершила бы полную глупость...

Подняв голову, я увидела ещё одни ворота, но они были меньше по сравнению с главными. Круглая каменная арка, ворота полукруглые, из массивных деревянных балок.

Он завёл меня за угол, подвёл к стене, резко развернул и прислонил к ней.

– Те двое мальчишек... – его глаза забежали, словно он решал, говорить дальше или нет. Но всё же решился. – Это рабы.

От этих слов у меня подкосились ноги. Я была готова упасть на землю, только силой воли заставляла себя держаться.

– Как рабы? – не веря своим ушам.

– Вот так. Нелюдей часто используют как рабов, – холодно заявил он.

Чувствовала, как мои глаза готовы выпрыгнуть из орбит.

– Ты ничего не сможешь с этим поделать, – продолжил он, нервно всё ещё держа меня за руку. – Такое ты будешь видеть довольно часто. Возможно, каждый день.

Чувствуя, что голос готов сорваться на плач, я всё же сказала:

– Типа, смирись и живи дальше?

Он только коротко кивнул и отпустил мою руку.

– Пойдём. Тут осталось пройти пару домов.

Часть 2. Гильдия

До здания оставалось всего несколько шагов. Оно было высоким, массивным, с широкими, тяжёлыми входными дверями. Из приоткрытого где-то наверху окна доносился сплошной гул – смесь голосов и грубого смеха.

Я с трудом поднялась по невысокой, но почему-то бесконечной каменной лестнице, держась за холодные перила. Риху уже ждал меня наверху, в метре от дверей.

Когда он потянулся к железной ручке, дверь внезапно распахнулась изнутри, едва не ударив его. Риху успел сделать шаг назад и выставил ладонь навстречу тяжёлой створке.

Из гильдии вывалились двое мужчин. Увидев нас, первый, тот, что был ближе, хрипло процедил:

– Смотри куда прешь, нелюдь.

Его лицо было обезображено длинным, уродливым шрамом – от лба через переносицу и до самого подбородка. Длинные, спутанные светлые волосы лезли в глаза, а губы растянулись в злорадной, кривой ухмылке. Глаза, чёрные и плоские, как у щуки, смотрели прямо на Риху.

Одета эта «достопримечательность» была, как последний нищий из моего мира: старые, затасканные штаны, не раз залатанные вкривь и вкось. На них кое-как держалась кольчуга – вернее, то, что от неё осталось. Крепления на одной штанине ещё были, на другой – отсутствовали напрочь. Куртка, тоже в заплатках, имела один рукав, разорванный от манжета до локтя.

Второй был немногим лучше. Его лицо не украшали боевые шрамы, зато одно ухо было испещрено старыми рубцами, словно в него когда-то ткнули раскалённым железом. Пепельные, жидкие волосы торчали клочьями, будто их выдёргивали прядями. Куртка, хоть и не такая рваная, была покрыта толстым слоем грязи и жира. Штаны выглядели поновее, но сапоги довершали образ: на одном красовались покорёженные, иссечённые латные пластины, на другом – не было ничего, кроме потрёпанной кожи.

– Смотри, Шрам, – ткнул «пепельный» своего приятеля в бок, указывая подбородком на меня. – Новенькая.

Тот, кого он назвал Шрамом, скосил глаза, осмотрел меня с ног до головы и фыркнул.

– А тебе щит не великоват, деточка?

Хотя Риху стоял ко мне спиной, я заметила, как его заострённые уши слегка прижались к голове.

Наёмники расхохотались – громко, неприятно, без видимой причины.

– Ладно, пошли, – буркнул Шрам, подняв верхнюю губу, словно учуял запах гнилой канавы. – Пусть тут топчутся.

– Айда. Не стоят они нашего времени.

Они спустились по ступеням. Шрам что-то буркнул своему спутнику на ходу, и снова донёлся их хриплый, грубый смех, затихая в городском шуме.

Я зашла в распахнутую дверь, точнее, похромала в неё.

Внутри стояла удушающая духота, словно помещение не проветривали с момента постройки. Воздух был густым и тяжёлым – в нём висели запахи старого пота, дешёвого табака и прокисшего алкоголя.

С каждым моим шагом вглубь зала голоса за столами затихали, будто я срезала их ножом. Кто-то хихикнул – глупо, по-идиотски.

– Глянь-ка, новенькая, – раздался чей-то голос из полумрака. *Непонятно, откуда именно. Да и какая теперь разница?*

Несколько человек присвистнули. Послышался сдержанный пере шёпот. Практически все глаза в зале были устремлены на меня – оценивающие, насмешливые, голодные. Взгляд хищника на добычу. От этого взгляда захотелось развернуться, выйти и больше никогда сюда не возвращаться.

Мы прошли мимо первого стола. За ним сидела компания молодых, крепких парней. Один из них, широкоплечий, с насмешливыми глазами, прищёлкнул языком.

– О-о-о... – протянул он, нарочито медленно. – Так это ж защитница. – Он сделал отвратительный акцент на последнем слоге, будто это было что-то грязное.

Я закрыла глаза на секунду, заставляя ноги двигаться дальше.

Проходили мимо других столов. За некоторыми умудрялись сидеть по пять, а то и шесть человек, хотя места явно хватило бы только на четверых. Их взгляды скользили по мне, как по товару.

Наконец, столы закончились, началась относительно свободная зона. Я заметила, что на дальней стене висела огромная доска, завешанная листами пергамента, картами с пометками и какими-то списками.

– Брось этот щит, красавица, давай к нам! – кто-то крикнул мне в спину, и за его столом грянул хохот.

Я не обернулась. Просто ковыляла дальше. Будто шла на эшафот.

Мы подошли к длинной стойке у стены, за которой было три окошка. Пока мы приближались, один из сидевших за ней клерков встал и ушёл вглубь помещения.

Осталась девушка. На вид лет двадцать. Рыжие волосы, аккуратно подстриженные до плеч. Круглое, почти детское лицо с маленьким, чуть вздёрнутым носиком. И на этом носике – очки в строгой чёрной оправе. Но линзы в них были совершенно белыми, матовыми, как молочное стекло. Она смотрела куда-то в пространство перед собой, не двигаясь.

Я сделала последний шаг к окошку. Голос мой прозвучал тихо и неуверенно.

– Здравствуйте...

Девушка медленно подняла голову. Из-за матовых белых линз невозможно было разглядеть зрачки.

– Добрый день, – начала она безэмоционально и тут же добавила: – Чем могу помочь?

Я стояла, не решаясь заговорить первой. Риху вмешался:

– Регистрация.

– Только она? – сотрудница показала на меня двумя пальцами, не отрывая взгляда от меня. – Или тебя тоже?

– Только её, – уточнил Риху, отходя на пол шага и вставая ко мне полу-боком. Я заметила, как его уши, чуть подрагивая, были направлены назад, улавливая каждый звук в зале.

Девушка поднялась со своего места и протянула мне руку через стойку.

– Мэри.

Я неловко протянула свою.

– Аяра.

Мы обменялись коротким, формальным рукопожатием. Её ладонь была прохладной и сухой.

– Так, – она положила передо мной бланк регистрации. – Вот перо и чернила. – Подвинула к краю стола массивную чернильницу с гусиным пером. – Писать умеешь?

– Да, – взяла перо и стала вчитываться.

Всего четыре строчки: Имя. Возраст. Роль. Магия.

С первым проблем не будет. А вот вторая строчка вызывала ступор. *Я вообще не знаю, сколько мне лет. Я знала, сколько было до вчерашнего дня. Но сейчас... Что же делать?*

Я пододвинулась ближе к Риху, достала из сумки книгу и начала лихорадочно её листать. Может, там что-то появилось? Но пока всё те же записи – характеристики, описание дара. Я с силой захлопнула её. *Толку никакого. Ладно, разберусь позже.*

Наклонилась к Риху и прошептала:

– Что значит «Роль»?

Он, не оборачиваясь, так же тихо ответил:

– Пиши «защитник».

Осталось разобраться с возрастом. В графе «Магия» поставила решительный прочерк. От безысходности я снова открыла книгу.

И от увиденного чуть не вскрикнула, роняя перо. Оно покатилося по стойке и упало на пол со звонким стуком. Сказать, что я была в шоке, – значит не сказать ничего.

Прямо над старой таблицей теперь была новая строка:

Аяра. Защитник. 15 лет.

По залу пробежала волна хохота. Но мне было уже всё равно. Я быстро захлопнула книгу, сунула её обратно в сумку, подняла перо и уверенно вписала в графу: 15.

подавая листок обратно Мэри, сказала:

– Всё.

Мэри встала, чтобы забрать бланк.

– Хорошо. – Она уже собиралась развернуться, но замерла и снова подошла к окошку. – А ты уверена, что хочешь быть... – она не договорила, будто подбирала слова.

В зале снова кто-то присвистнул, ещё кто-то заглушено хихикнул.

– ЗАТКНИТЕСЬ! – крикнула Мэри.

Её голос прозвучал неожиданно – острый, металлический, прорезающий гул, как лезвие. Таким тоном можно было не просто заставить замолчать, а убить на месте. Гул мгновенно стих, оставив после себя гробовую тишину.

И тут же Мэри обратилась ко мне. На её лице расцвела мягкая, почти материнская улыбка. Она заговорила ласковым, убаюкивающим голосом, словно читала сказку ребёнку на ночь:

– Ты точно в этом уверена?

Я не понимала, о чём она. Просто стояла и смотрела на её невидящие белые линзы.

Риху снова вмешался:

– Вы про роль?

– Ну а про что ещё? – ответила она всё тем же нежным, сладким голосом.

Тут до меня дошло. Я выпрямилась и твёрдо произнесла:

– Да.

И в этот момент со стороны, от противоположной стены, донёсся тяжёлый, мерный стук сапог по деревянным ступеням. *Там, значит, была лестница.*

Когда хозяин этих сапог показался в поле зрения, по спине пробежала волна ледяного холода – не от страха, а от неожиданного контраста.

Это был широкоплечий мужчина в преклонном возрасте – судя по густой, пышной, совершенно седой бороде и таким же волосам, скорее дед, чем просто старик. На нём была простая белая рубаша с закатанными до локтей рукавами, тёмно-синий стёганный жилет и чёрные, отглаженные штаны. Сапоги, вопреки общей простоте одежды, были начищены до зеркального блеска.

Лицо его было изрезано сеткой мелких, глубоких морщин, но глаза... глаза светились спокойной, почти отеческой добротой.

– Добрый день, – поздоровался он, подавая Мэри пачку каких-то бумаг. Его голос был низким, бархатистым. – Новенькая?

– Да, – приняла она листы, не глядя. – Только что закончили.

– Ты ведь сможешь ей освоиться у нас? А? – Он прищурил глаза, пристально глядя на Мэри.

Она лишь опустила голову, уставившись в пол.

– Ладно... покажу, что да как, – наконец выдавила она и тут же резко подняла два пальца вверх. – Два дня выходных можно?

– Два, значит? – старик задумчиво почесал бороду, потом несколько раз провёл по ней ладонью, будто это помогало мыслить. – Ладно, – заключил он и развернулся, направляясь обратно к лестнице.

Уже отойдя на несколько метров, он обернулся и посмотрел прямо на меня:

– Я тут гильд-мастер. Обитаю на втором этаже. Если что – просто обращайся, старик.

Я, чуть заикаясь, почти шёпотом выдохнула:

– Хорошо.

Мэри взяла мой бланк.

– Сейчас оформлю регистрацию и принесу твой жетон, – сказала она уже обычным, бесцветным тоном, развернулась и скрылась в дальнем конце комнаты за массивной деревянной дверью.

Пока ждали её возвращения, Риху отошёл к доске объявлений и погрузился в изучение каких-то листков. Минуты тянулись, превращаясь в часы, нудно растягиваясь в вечность.

Тут ко мне кто-то подошёл. Несколько раз цокнув языком, он вальяжно облокотился о стойку рядом.

На вид – чуть старше меня, может, даже ровесник. Соломенного цвета волосы, карие глаза, которые нагло скользили по мне с головы до ног. Взгляд задержался на груди – я почувствовала себя голой, – затем сполз ниже. Он ещё раз цокнул и уставился прямо в глаза. Над верхней губой – едва заметный тонкий шрам.

Одет он был куда лучше той потрёпанной парочки, что встретили нас у входа. Куртка, поверх которой была надета кольчуга, ярко блестела, словно её только что отполировали. *Новая*, – отметила я про себя. Штаны были чистыми, без заплат. Сапоги, конечно, не сияли, как у старика-гильдмастера, но были целыми и ухоженными. На носках красовались латные пластины, на пятках – шпоры. Из-за спины виднелись перекрещенные рукояти двух мечей.

Он стоял и не говорил ни слова, просто нагло пялился, будто я была птицей в клетке, которую он долго пытался поймать и наконец изловил.

Не выдержав этого напора, я раздражённо спросила:

– Что?

Он лишь цокнул языком в ответ. *Издевается? Или это такой психологический приём?* Но он начинал работать.

Тут из дальнего конца комнаты послышались быстрые шаги, отчётливый стук каблуков по паркету.

Из дверного проёма вышла Мэри. Улыбаясь, она подошла и протянула мне небольшой металлический жетон и сложенный листок.

– Вот твой жетон. А это, – она подала листок, – твоё первое задание.

Я повесила жетон на шею и спрятала под курткой, затем развернула лист и стала читать. Задание было простым и чётким, как удар топора: посетить два подземелья и устранить мест-

ных боссов. В скобках стояла пометка: «расчёт на 1 уровень». *Как раз для меня*, – мысленно обрадовалась я, чувствуя призрачную надежду.

И продолжила читать дальше, ища главное – место. И нашла. Напротив первого пункта чётким, бездушным почерком было выведено: «Мёртвый Лес».

От одних этих слов по спине пробежал ледяной холодок. Мёртвый Лес. Тот самый, о котором говорил Риху. Тот, от которого у меня тогда подкосились ноги. Стало не по себе. Внутри зародился мелкий тремор, быстро перерастая в знакомую, сдавливающую панику.

Парень, стоявший рядом, резко выхватил листок у меня из рук, быстро пробежал глазами и присвистнул:

- Давай я тебе помогу, – покачал он листом, зажатым двумя пальцами.
- Спасибо, не надо, – я резко схватила бумагу и вырвала её обратно. – Мне помогут.

От этих слов у него приподнялась бровь. Глаза заискрились злорадной издёвкой.

- Кто? – протянул он, обернувшись к Риху и ткнув пальцем в его сторону. – Вот этот?

Я с вызовом посмотрела ему в глаза.

- А если и так?

Хотя сама понимала, что Риху может мне просто отказать. Мы с ним ни о чём таком не договаривались. Вообще ни о чём.

Тут Мэри мягко, но решительно положила руку мне на плечо.

– Пойдём, я покажу тебе город, – сказала она, уже уводя меня к выходу. – Ах, да, чуть не забыла. У тебя два дня на выполнение задания. Извини, такие правила.

Только сейчас, когда мы снова проходили мимо столов к дверям, боль в бедре напомнила о себе с новой, жгучей силой.

К нам подошёл Риху. Он виновато опустил голову, уши его обвисли. Каждый раз, когда я пыталась поймать его взгляд, он отворачивался.

Уже на улице Мэри подхватила меня под руку, повернула к себе и неожиданно крепко обняла.

– Спасибо тебе, – прошептала она, погладила по спине, ещё раз обняла чуть крепче и отстранилась.

Я стояла в лёгком шоке, не понимая.

- За что?!

Она кивнула куда-то вверх, в сторону второго этажа.

– Да этот старик... толком выходных не даёт. Не помню уже, когда последний раз отдыхала.

Я стиснула зубы от новой простреливающей боли в бедре и машинально схватилась за него.

- Может, тебе в госпиталь? – настороженно спросила Мэри, снова беря меня под локоть.
- Если честно... сначала поесть. Со вчерашнего дня ничего не было во рту.
- Ну тогда в таверну, – она повела меня в сторону оживлённой улицы.

Но тут сзади раздался голос Риху, который шёл следом:

– А разве в гильдии не было своей таверны?

Мэри обернулась через плечо.

– Убрали. Старик приказал. Надоело, что местный сброд там пьянствует.

Она шла медленно, размеренно, словно наслаждаясь каждой секундой этой прогулки. Этим тёплым днём. Будто он у неё – последний в жизни.

– Тут недалеко. Осталось пару домов, и мы придём.

Часть 3 Три монеты.

Мы подошли к массивной, но в то же время удивительно уютной веранде. Ступеньки, сколоченные из толстых, потемневших от времени досок, скрипели и прогибались под нашим весом, словно ворча на каждого нового гостя. Резные перила из чёрного дерева, с грубоватыми, будто вырезанными наспех узорами, были покрыты сетью мелких трещин и сколов.

Я подняла голову. Над самым входом, на единственном кованом крюке, висела круглая, старая и потрескавшаяся вывеска. Она тихо поскрипывала на ветру, словно старая кость. На облупившемся фоне был намалёван кусок жареного мяса, а ниже – надпись «Три монеты». Буквы, выжженные в дереве раскалённым ножом, вросли в него навсегда, тёмные и глубокие, как шрамы.

Возле двери стояла девушка, задумчиво смотрящая куда-то в сторону. Она слегка раскачивалась на носках, не обращая на нас внимания. Светлые волосы были туго собраны в конский хвост. На ней была нежно-персиковая форма с фартуком, из кармана которого торчало несколько листков бумаги и расчёска.

– А мы к вам! – сообщила Мэри своим ласковым, спокойным голосом.

– О, привет! – встрепенулась официантка, на её лице расплылась дежурная улыбка. – Проходите, я вас провожу.

Из распахнутой двери хлынул настоящий шквал жизни – оглушительный гул голосов, смех, стук посуды и непрерывная брань. Воздух был густым и тяжёлым, будто сваренным из десятков запахов: аппетитный аромат жареного мяса, рыбы, овощей и грибов смешивался с едкой вонью человеческого пота, табака и дешёвого алкоголя. Я невольно сморщила нос и, чтобы это скрыть, сделала вид, что почесала его, пока нас вели мимо первых столиков. Чувствовала, как желудок предательски сжимается то от голода, то от лёгкой тошноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.